

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ДЕЛИКТНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Даниленков Алексей Владимирович

Юридический консультант ООО «Солантек» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук,
ORCID: 0009-0005-5435-9128, e-mail: danilenkov@yandex.ru.

В статье анализируются историко-правовой генезис и типология деликтного обязательства с точки зрения основополагающих морально-нравственных императивов и традиционных ценностей, влияющих на эволюцию российской правовой системы. Автор рассматривает актуальные проблемы охраны исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в контексте обеспечения государственного суверенитета и соблюдения международно-правовых принципов и норм, включая применение таких институтов, как реторсии и репрессалии.

Ключевые слова: генеральный деликт, сингулярный деликт, делинквент, реторсии, репрессалии

Для цитирования: Даниленков А. В. Охрана интеллектуальной собственности в рамках деликтного правоотношения: теория и практика // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 1. С. 40–53. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_40.

INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION WITHIN FRAMEWORK OF TORT UNDERTAKING: THEORY AND PRACTICE

Danilenkov Alexey

Legal counsel for Solanteq LLC (Saint-Petersburg), candidate of legal sciences,
ORCID: 0009-0005-5435-9128, e-mail: danilenkov@yandex.ru.

The article is focused on the genesis and typology of tort undertaking, juxtaposed with the fundamental imperatives of morality and ethics and traditional values, affecting the evolution of the Russian legal system. Author considers actual problems of IP rights protection within the broader context of ensuring the state sovereignty and complying with the international law principles and regulations including invoking such institutions as retorsions and reprisals.

Key words: general tort, singular tort, delinquent, retorsions and reprisals

*For citation: Danilenkov A. (2024) Intellectual property protection within framework of tort undertaking: theory and practice. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 40–53, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_40.*

Введение в тему

В определении ВС РФ от 21 декабря 2001 г. № 74-ВПР01-17 деликтное обязательство трактуется как «обязанность лица, причинившего вред личности или имуществу гражданина, возместить его в полном объеме и соответственно право потерпевшего лица требовать такое возмещение». Данная дефиниция несет на себе неизгладимый отпечаток родового определения обязательства согласно п. 1 ст. 307 ГК РФ, что, в свою очередь, не позволяет *prima facie* избежать иллюзии методологического смешения с иным охранительным правоотношением в связи с и по поводу возмещения убытков, в рамках которого реализуется универсальная мера гражданско-правовой ответственности. Однако из фокуса внимания не должна ускользать принципиальная разница между указанными обязательственными правоотношениями. Если размер

возмещаемых убытков может быть уменьшен в силу специального правила, установленного законом или договором (п. 1 ст. 15 ГК РФ), то предел возмещения деликтного вреда может быть лишь эскалирован посредством установления обязанности причинителя вреда выплатить потерпевшим дополнительную компенсацию (ч. 3 п. 1 ст. 1064, абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК РФ). Штрафной характер указанной компенсации – «наряду с возможными судебными расходами и репутационными издержками нарушителя – должен стимулировать к правомерному (договорному) использованию объектов интеллектуальной собственности и вместе с тем способствовать, как следует из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2017 года № 2256-О, восстановлению прав, а не обогащению правообладателя» (п. 3 постановления КС РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П).

В случае с убытками, которые, как правило, возникают в контуре взаимоотношений сторон гражданско-правовой сделки и не затрагивают публично-правовую сферу, законодатель вправе ставить во главу угла базовые принципы диспозитивности, автономии воли и свободы договора для целей урегулирования соответствующих отношений между заинтересованными лицами, в том числе с целью стимулирования участников гражданского оборота к проявлению разумной осмотрительности в выборе контрагента; к задействованию различных способов обеспечения исполнения обязательств и т. д. В ситуации же с возмещением внедоговорного вреда публичный интерес заставляет законодателя следовать более строгому методу правового регулирования, допуская привнесение элементов императивности, когда возможность артикулирования и защиты потерпевшим своих прав и законных интересов может быть ущемлена или существенно ограничена не только в силу объективных причин, но и ввиду длящегося посягательства на его имущественную или личную неимущественную сферу. Статус потерпевшего по определению затрудняет или делает невозможным его участие на равноправных с делинквентом началах в гражданско-правовых отношениях.

Именно поэтому юридический факт причинения вреда может и должен рассматриваться не как действие (бездействие) сугубо частного порядка, но как феномен на стыке отраслей частного и публичного права; как объект законодательной политики на конкретном историко-правовом этапе развития национальной правовой системы. Общественное отношение по поводу причинения внедоговорного вреда в гражданском праве может быть урегулировано с разной степенью публично-властного осуждения в форме негативных последствий для делинквента.

Собственно деликт целесообразно рассматривать в динамике механизма его юридического превращения: от момента возникновения до изменения и/или прекращения соответствующего правоотношения с учетом всех сопутствующих юридически значимых факторов и обстоятельств, например: смешанная форма вины делинквента и потерпевшего; состояние крайней необходимости или необходимой обороны; причины и условия формирования девиантной модели поведения или совершения случайного деликтного эксцесса.

Любая унификация (или, точнее, генерализация) деликтных составов, объективное вменение противоправности и вредоносности любого деяния, посягающего на имущественную или личную неимущественную сферу заинтересованного лица, игнорирует смешанный характер деликтной системы, характерной для российского гражданского права (см. ниже).

Известно, что в гражданском праве понятие «общественная опасность» последствий не используется для описания одного из существенных признаков объективной стороны противоправного деяния. Тем не менее определенная корреляция между деянием и степенью его вредоносности для частного и/или публичного интереса прослеживается при выборе применимой модели. В случае с принципом генерального деликта вредоносность соизмеряется с фактическим ущербом, причиненным имущественной и личной неимущественной сферам потерпевшего, тогда как сингулярный деликт отдает оценку вредоносности всецело на дискреционное усмотрение правоприменительного органа, разрешающего деликтный спор, который принимает во внимание различные заслуживающие внимания обстоятельства.

Для генерального деликта характерно возведение в ранг неопровержимой презумпции противоправности и вредоносности деликта, которые на уровне абстракт-

ного целеполагания законодательной политики нивелируют (или даже сводят до уровня вводно-описательной части итогового судебного акта по делу) казуальность конкретного кейса, в результате чего происходит полное и безусловное возложение бремени негативных последствий на делинквента. Модель сингулярного деликта более гибкая и адаптивная, по природе своей более соответствующая букве и духу гражданско-правового регулирования, допускающего вариативность средств и методов управляющего воздействия.

В зависимости от того, насколько принципы генерального и сингулярного деликтов коллизионно взаимодействуют (вспомним закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей) или уравнивают друг друга, обычно выделяют систему генерального деликта, систему сингулярного деликта и смешанную систему¹.

Генеральный деликт можно рассматривать в трех ипостасях, находящихся на разных уровнях осмысления юридического материала (в иерархическом порядке убывания фундаментальности).

1. Охранительное обязательство, возникающее из юридического факта внедоговорного причинения вреда, которое характеризуется такими признаками, как противоправность деяния; неопровержимая презумпция вины делинквента и возникновение оснований юридической ответственности в виде полного возмещения вреда независимо от особенностей фактического состава деликтного правоотношения (*доктринальный уровень*).

2. Универсальный принцип неотвратимости и соразмерности юридической ответственности за любое внедоговорное причинение вреда, который обеспечивается соблюдением установленных исключительно законом условий и порядка ее реализации (*уровень основ гражданского права*). В отличие от генерального деликта специальные (сингулярные) деликты и квазиделикты («*obligationes quasi ex delicto*») принципиально допускают усеченность составов правонарушений, что предполагает *ipso facto* манифестацию определенной степени свободы судьейского усмотрения для учета особенностей отдельных видов вредоносных правонарушений, в частности возможность возложения ответственности за действия третьих лиц (ст. 1068, 1073, 1075, 1076 ГК РФ); безвиновное причинение вреда делинквентом (например, ст. 1079 ГК РФ) и т. п.

Принцип генерального деликта усматривается в п. 1 ст. 1064 ГК РФ в системном единстве с положениями подп. 6 п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 307 ГК РФ. Важно отметить, что кристаллизация гражданско-правовых принципов происходит в русле глубинных процессов исторической эволюции сообразно (а в случае коренной ломки общественно-политической формации вопреки) идейно-ценностной парадигме правовой системы, содержащей наиболее устойчивые к эрозии скрепы коллективного правосознания и правовой культуры. Тем не менее мы не склонны рассматривать принцип генерального деликта как обусловленную историческим развитием отечественной правовой системы данность. Напротив, представляется, что сингулярность деликтного права в наилучшей степени отвечает запросу на справедливость, глубоко укорененному в российской правовой культуре.

Возникают вопросы в отношении принципа генерального деликта касательно его способности:

обуславливать фундаментальные характеристики подотрасли деликтного права в ее целостности, непротиворечивости и упорядоченности;

делимитировать и демаркировать положение деликтного права в системе координат межотраслевого взаимодействия по отношению к иным нормативно-правовым образованиям частного и публичного права.

Благоприятные условия для распространения смешанной концепции деликтного права в российской правовой системе во многом предопределены пандектной структурой акта кодифицированного гражданского законодательства, который содержит в своей общей части матрицу упорядоченности и системного единства нормативного материала. При этом действует коллизионный приоритет специальной нормы над

¹ Отметим, что некоторые авторы констатировали формирование в РФ смешанной системы: «Российское деликтное право (подобно германскому и швейцарскому) основано на принципе смешанного деликта». См.: Афанасьева Е. Г. Российское и зарубежное деликтное право: основные различия // Законодательство. 2003. № 6. С. 80.

общей («*lex specialis derogat generali*»), который смягчает или даже полностью нивелирует догматизированность и абсолютизм любой сверхнормы, включая принцип генерального деликта. Правовое регулирование нуждается в определенной степени приспособляемости к многообразию фактических составов и обстоятельств, что создает предпосылки для поиска правильного соотношения средств и методов воздействия в зависимости от объективной и субъективной специфичности категории дел. Это, в свою очередь, неизбежно приоткрывает клапан для проникновения идеи сингулярной деликтогенности внедоговорного правоотношения по поводу причинения вреда.

В дополнение к традиционной классификации можно выделить особый подтип системы деликтного права – смешанную систему с тенденцией возрастающего влияния элемента сингулярности. Именно он характерен для нынешнего этапа развития гражданского права, чему есть немало доказательств.

Так, в последнее время наблюдается рост роли и значения судебского усмотрения (например, в части возможности снижения размера возмещения вреда ниже нижнего предела согласно п. 3 ст. 1252 ГК РФ). Придание же юридически обязывающего характера актам казуального толкования (подп. 3 п. 4 ст. 170 АПК РФ, п. 4.1 ст. 198 ГПК РФ) позволяет масштабировать прицельное применение казуистического подхода в общий стандарт правоприменения по аналогии. Если же дополнить наш краткий обзор указанием на возрастание количества закрепленных гражданским законом сингулярных деликтов (ст. 1066–1079 ГК РФ), то вполне можно говорить о завершении формирования смешанной системы деликта в условиях российской правовой системы. Ключевым маркером данного тренда служит пересмотр концепции генерального деликта применительно к объектам ИС с постепенным дрейфом в сторону все большей сингуляризации деликтного права.

В настоящее время в Госдуме ФС РФ обсуждается проект федерального закона № 348960-8, которым в числе прочего предлагается инкорпорировать в ГК РФ новую статью 1252.1, целиком посвященную институту компенсации за нарушение исключительного права на объект ИС. Указанный законопроект предполагает инкорпорировать в ГК РФ норму, которая призвана обеспечить учет сингулярности конкретного кейса, т. е. реализацию правовой позиции, выраженной в п. 4.2 постановления КС РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П (см. также постановление КС РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П).

Генеральный деликт в рамках смешанной системы деликтного права не является застывшей субстанцией и обнаруживает в себе динамический потенциал. Уровень совершенства законодательной техники проявляется в том, чтобы, не искажая сущностно предмет, таким образом творчески адаптировать арсенал средств и методов регулирования, чтобы конечный результат отвечал актуальным потребностям гражданского оборота, выявленным в конкретный исторический период и на обозримую перспективу.

Общественно-политические и социально-экономические реалии и процессы могут кардинально «перепрошивать» оболочку устоявшихся правовых образований (институтов, подотраслей, массивов и т. д.), иногда проникая в их субстантивное ядро, что также необходимо учитывать. Подчас историко-правовая легитимация того или иного правового принципа посредством обращения к традиции «с незапамятных времен», к архаичным памятникам юридической мысли, не может устоять перед вызовами текущей политико-правовой конъюнктуры, а иногда вступает в конфликт с прикладными целями и задачами публичного правопорядка.

Методологически принцип генерального деликта находит прикладное выражение через совокупность правовых норм, опирающуюся на следующую элементную базу:

- 1) противоправность поведения и вина делинквента, вред, наличие причинно-следственной связи между деянием делинквента и причинением вреда (полный состав правонарушения в рамках конструкции генерального деликта);
- 2) общая презумпция противоправности действий (бездействия), повлекших за собой в порядке причинно-следственной связи причинение вреда;
- 3) полнота возмещения вреда его причинителем (или – в случаях, прямо установленных законом, – третьим лицом) с возможностью применения к делинквенту до-

полнительных неблагоприятных последствий с увеличением объема или размера возмещения вреда (п. 3 ст. 1085 ГК РФ);

4) бремя доказывания отсутствия вины в ситуации, когда данный элемент субъективной стороны деяния имеет юридически значимый характер (полный состав правонарушения), возлагается на делинквента (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

Возложение обязанности по возмещению вреда за безвиновное причинение вреда (усеченный состав правонарушения) допускается в силу прямого указания закона. К таким специальным видам деликтов относятся составы правонарушений, описываемые, в частности, диспозициями норм п. 3 ст. 401, ст. 1079 ГК РФ и т. д.

3. Правовой субинститут, т. е. совокупность взаимосвязанных правовых норм, регулирующих на основе принципа генерального деликта одновидовые общественные отношения, возникающие в связи с и по поводу причинения (потерпевшему) имущественного и/или неимущественного вреда (*уровень текущего гражданского законодательства и примыкающей к нему правоприменительной практики*). Субинституты генерального деликта, сингулярного деликта и квазиделиктов входят в сложный институт гражданского права – деликтное право, – который, в свою очередь, является составной частью подотрасли обязательственного права.

Правовой субинститут генерального деликта представляет собой регуляторную надстройку комплекса общественных отношений, связанных с причинением вреда и его последствиями, которая раскрывает свои конструктивные и функциональные характеристики в рамках механизма ответственности за деликтное поведение.

В отличие от сингулярных деликтов, генеральный деликт менее подвержен изменениям своих базовых настроек, поскольку, как правило, устанавливается законодательно с допущением минимальной свободы судебного усмотрения. В странах англосаксонской системы права превалирует сингулярный деликт, обладающий такими свойствами, как казуистичность правоприменительной практики, отрицание универсальности стандарта регулирования спорных общественных отношений, опора на силу судебного прецедента и т. д.

Встречаются также смешанные деликтные системы (ФРГ, Австрия, Швейцария).

Сингулярный деликт методологически противопоставлен (в случае смешанной деликтной системы – дополняет) генеральному деликту. Сингулярность в деликтном праве возникает в результате расщепления универсального состава деликта на разновидности казусы вредоносного поведения, анализируемые через «просветленную оптику» судебного усмотрения, которое и формирует силой прецедентного судебного акта (частного закона) стандарт рассмотрения и разрешения аналогичных дел. При этом допускается усечение состава правонарушения, т. е. занижение значимости или исключение отдельных элементов (например, вины делинквента). А поскольку прецедент в странах, унаследовавших континентальную систему, включая РФ, возможен только с приставкой «квази-» как средство восполнения «серых зон» позитивного правового регулирования, то роль генерального деликта останется значимой даже в случае конвергенции указанного института с сингулярным деликтом, хотя разумная экспансия судебного активизма могла бы сыграть свою положительную роль в плане усиления элемента сингулярности.

Тем не менее генеральный деликт правомерно рассматривать в качестве отправной точки исследования деликтного права, что предопределяет структурную логику изложения материала в настоящей статье.

I. Историко- и теоретико-правовые предпосылки формирования концепций деликтного права

1.1

В историко-правовой ретроспективе первоначальное обращение отечественного законодателя к институту генерального деликта связывается с нормой ст. 574 Свода гражданских законов Российской империи (вступила в силу 21 марта 1851 г.), которая гласила, что «как по общему закону никто не может быть лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки, с одной стороны, налагают обязанность доставлять, а с другой – производят право требовать вознаграждения».

Как отмечается в одном исследовании, «по общему правилу, именно потерпевший доказывал виновность причинителя вреда. Указывалось, что потерпевший должен доказать, что действие было вызвано умыслом или неосторожностью причинившего вред. Однако далее указывалось, что сам причинитель может устранить предположение своей виновности, основанное на доводах потерпевшего, доказательством, что вредное последствие наступило вследствие стечения таких обстоятельств, которых он не мог предотвратить (ст. 684 части 1 т. X Свода законов). В данных нормах происходит зарождение презумпции виновности причинителя, но пока что с обязанностью доказывания вины со стороны потерпевшего»¹.

Таким образом, вопреки утверждению о «классическом восприятии принципа генерального деликта», существовавшем на тот момент в континентальной Европе², принципиальное отличие российской концепции генерального деликта от Гражданского кодекса Наполеона заключалось в возложении бремени доказывания вины делинквента (во всяком случае, *prima facie*) на потерпевшего.

Презумпция вины делинквента в случаях, когда потерпевший в спорном правоотношении не занимает заведомо ущемленное материально-правовое положение (например, потребитель товаров, работ, услуг), нарушает баланс прав и законных интересов сторон с точки зрения таких принципов правосудия по гражданским делам, как состязательность и равноправие сторон (п. 1 ст. 12 ГПК РФ, ст. 809 АПК РФ). Этот дисбаланс может приводить к формированию гиперохранительного уклона в деятельности органов правосудия и, как следствие, к нарушению требования соразмерности возмещения вреда. Тем самым искажаются цели и задачи института гражданско-правовой ответственности, которые существенно изменились с момента действия абсолютной презумпции вины делинквента согласно ст. 403 ГК РСФСР 1922 г. Согласно позиции Минюста РФ повышение пороговых значений крупного и особо крупного ущерба для целей применения уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав продиктовано в том числе соображениями соблюдения баланса «интересов участников правоотношений, охраняемых указанными уголовно-правовыми нормами»³. Если даже для дел частного-публичного и публичного обвинения (ст. 20, 146 УК РФ) данный мотив признается юридически значимым, то в сфере гражданских правоотношений он должен быть превалирующим фактором, определяющим условия юридической ответственности.

1.2

Принятие Свода гражданских законов Российской империи предопределило отказ от механического заимствования западноевропейского догмата о безусловной противоправности всякого деликта. Субъективное право на защиту вещных или личных неимущественных прав не может и не должно препятствовать достижению разумного с точки зрения публичного правопорядка баланса прав и законных интересов делинквента и потерпевшего (частное лицо или публичное образование), что априори невозможно сделать без должной оценки всей совокупности фактических обстоятельств дела, личности и степени вины правонарушителя, его имущественного положения и т. д. Подлежащая применению санкция должна соотноситься и быть адекватной (но не эквивалентной, поскольку наказание выполняет не только восстановительно-компенсационную (защитную), но и превентивную и карательную (репрессивную) функции) неблагоприятным последствиям деликта с учетом всех заслуживающих внимания смягчающих и отягчающих обстоятельств дела. Ведь само по себе понятие «противоправность» прежде всего включает в себе направленность против публичного интереса, состоящего в обеспечении стабильности гражданского оборота и защиты неопределенного круга лиц, а уж затем – в восстановлении имущественной и личной неимущественной сферы потерпевшего. Именно поэтому вред, причиненный правомерными действиями, по общему правилу, не подлежит возмещению (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). Несмотря на то что институт генерального деликта входит

¹ Хужин А. М. О трансформации принципа генерального деликта: анализ законодательства и судебной практики // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 340.

² Там же.

³ Минюст РФ предлагает увеличить пороговые значения ущерба при нарушении авторских прав // Минюст России: офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49750/> (дата обращения: 24.09.2023).

на правах субинститута в систему частного права, общая превенция деликтного поведения должна рассматриваться как задача более высокого порядка по сравнению с превенцией частной, поскольку понятие вреда (в отличие от убытков) содержит в себе элемент публично-правового осуждения в гораздо большей степени, нежели любая иная категория гражданского права. Еще в артикуле 195 Воинского устава Петра Великого находим: «Наказание воровства обыкновенно умалывается, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет, или кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть». Как мы видим, даже в случае умышленного посягательства на чужую собственность столь непримиримый к подобного рода деяниям Петр Первый допускал проявление милосердия со смягчением или даже освобождением от наказания по нереабилитирующим основаниям. Оставим для сферы теологических дискуссий вопрос о том, не нарушается ли в данном случае восьмая заповедь «не укради»¹. Не стоит забывать радикально негативный характер церковной реформы Петра Первого, включая упразднение института Патриаршества, учреждение Священного правительствующего синода с должностью обер-прокурора в качестве «ока Государя и стряпчего по делам государственным», принятие Духовного регламента и другие меры, направленные на подчинение церкви светской власти². Предположительно император как православный государь исходил из принципа сугубой икономии, проявляя снисхождение к человеческой немощи и попуская общественно неопасный проступок с учетом смягчающих вину обстоятельств (сопутствующие тяготы воинской службы и т. п.).

Государственная мудрость имеет непреходящее значение, тем более если она естественным образом обогащена накопленным опытом правового регулирования и правоприменения в условиях разных социально-экономических укладов и политических систем, оказавших неизгладимое воздействие на архетипы правосознания применительно к институту охраны права собственности и иных вещных прав. Так, в сфере публичного права проекции историко-правового опыта можно проследить на примере институтов освобождения от наказания в случае малозначительности деяния (ст. 2.9 КоАП РФ, ч. 2 ст. 14 УК РФ). Представляется, что малозначительность деликта по негативным для потерпевшего последствиям также может обуславливать неприменимость принципа генерального деликта. Тем более необходимо учитывать, что государство, обладающее монополией на публично-властное принуждение, не может в полной мере ее реализовывать в частноправовой сфере с точки зрения морально-нравственных устоев и легитимности до полного и безусловного прерывания порочной линии «преемственности» в части негативных последствий длящегося конституционно-правового деликта (национализация церковного имущества и земель; разрушение и вандализм в отношении церквей и храмов, православных святынь и т. д.), ассоциируемого, как правило, исключительно с советским периодом истории. Строго говоря, до проведения государственно-правовой реституции всего церковного имущества в пользу РПЦ положение п. 2 ст. 67.1 Конституции РФ о пietetе к ты-

¹ Иногда, впрочем, не вполне точные переводы Священного Писания создают иллюзию возможности прощения греха воровства. Однако православные богословы указывают лишь на разную степень тяжести грехов воровства и прелюбодеяния: «И Писание, делая сравнение воровства и прелюбодеяния, сказало: не дивно, аще кто ят будет крадый; крадет бо, да насытит душу свою алчущую. Прелюбодей же за скудость ума погибель души своей содевает (Притч. 6:30, 32). Изрекло же сие не в извинение крадущему и не освобождая его от вины, но, сравнивая воровство с прелюбодейством, которое всего хуже, показало, что воровство менее грубо и легче, особенно когда оно следствие нищеты». См.: *Прп. Исидор Пелусиот. Письма. Книга III // Толкования Священного Писания. Толкования на Притч. 6:30*. URL: <https://bible.optina.ru/old:pr:06:30> (дата обращения: 22.07.2023).

² Рассуждая о православном литургическом чине помазания при коронации митрополитом или патриархом царя, некоторые историки церкви приходят к выводу о его тождественности с таинством миропомазания, подытоживая, что «в Византии, как и на Западе, монарх при помазании уподоблялся царям Израиля; в России ж царь уподоблялся самому Христу». См.: *Успенский П. Б. Поставление на царство в русской и византийской традициях // Православное учение о церковных таинствах: V Международный богословский православный конф. Русской православной церкви, Москва, 13–16 ноября 2007 г. М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. Т. 3. С. 428*. Таким образом, еще до Петра Первого глава государства (царь) обладал не только светской, но и духовной властью.

сячетелней истории государства и памяти предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства», останется нормой во многом декларативной и эфемерной.

В советский период практически тотального огосударствления экономики (за исключением периодов НЭП и бурного развития артельных ремесел и промыслов в 1930–40-е гг.) имела место сакрализация социалистической собственности на средства производства, которая включала в себя государственную (общенародную) собственность; колхозно-кооперативную собственность и имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для уставной деятельности (ст. 10 Конституции СССР 1977 г., ст. 93 ГК РСФСР 1964 г.). При этом задачи охраны социалистической собственности и создание условий для ее преумножения составляли основы общественного строя и политики государства.

Советская модель фетишизации социалистической собственности по сути являлась этатистским контрманифестом идеи «священного права частной собственности», присущей западной правовой культуре. Несмотря на то что по объекту преимущественной охраны данные модели диаметрально противоположны, в их основе лежит общий вульгарно-материалистический подход, который можно охарактеризовать известной формулой: «Бытие определяет сознание». В таких условиях «надстроечная» юридическая система обречена на сервильное обслуживание соответствующей базовой модели, на создание различных отраслевых механизмов, включая генеральный деликт, которыми постулируется приоритет вещного права над всей парадигмой прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений. Как показано ниже, для российского культурно-мировоззренческого кода такой подход неприемлем и генетически чужд.

II. Актуальные тенденции правоприменительной практики и законодательной политики в сфере охраны нематериальной собственности в рамках деликтного правоотношения

2.1

Исходя из системного истолкования норм ст. 128, 1064, 1225, 1226, 1252 ГК РФ, а также руководствуясь аналогией закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ), деликтное поведение причинителя вреда можно определить как направленное в равной степени на вещи и на имущественные права.

В силу бланкетной нормы п. 3 ст. 1252 ГК РФ в случаях, предусмотренных ГК РФ для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, при нарушении исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения. Размер компенсации определяется судом в пределах, установленных ГК РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости.

Вместо компенсации потерпевший вправе альтернативно отыскивать убытки, взыскание которых при доказанности их размера позволяет, по общему правилу, в полной мере восстановить имущественную сферу заинтересованного лица. Данный универсальный способ защиты является процессуально более трудоемким и затратным механизмом восстановления нарушенных субъективных прав и законных интересов по сравнению с взысканием компенсации по п. 3 ст. 1252 ГК РФ, поскольку в последнем случае степень вредоносности деликта – важный, но не всегда определяющий или даже юридически значимый фактор для формирования усмотрения суда в части применения соответствующей меры ответственности.

Согласно п. 51 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 10) «компенсация подлежит взысканию при доказанности факта нарушения, при этом правообладатель не обязан доказывать факт несения убытков и их размер». Согласно п. 61 Постановления № 10 заявление требования о взыскании компенсации в минимальном размере в принципе освобождает лицо от обязанно-

сти подтверждать соразмерность истребуемой суммы компенсации последствиям допущенного нарушения.

При этом по смыслу Постановления № 10 суд вправе взыскать компенсацию в размере ниже низшего предела, установленного в соответствующих нормах ГК РФ (в частности, в ч. 2 ст. 1301, ч. 2 ст. 1311, ч. 2 ст. 1406.1 и т. д.), помимо случаев, предусмотренных абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК. Данная новелла является имплементацией правовой позиции, выраженной в постановлениях Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П и от 24 июля 2020 г. № 40-П.

С момента введения нормы п. 3 ст. 1252 ГК РФ в действие накоплен значительный массив актов правоприменительного толкования (руководящие разъяснения высших судебных инстанций, судебная практика и правовые позиции КС РФ). Диалектически неизбежным итогом стало качественное преобразование аутентичного смысла, заложенного в клаузуле.

2.2

Наиболее масштабный трансформационный сдвиг в понимании содержания института деликтного права обусловлен коренной ломкой международно-правовой парадигмы в последнее время, которая затронула не только публично-правовую, но и частноправовую сферу.

Вновь выявленные потребности и условия гражданского оборота нацеливают на поиск на законодательном уровне более справедливой модели балансировки прав и законных интересов правообладателей объектов интеллектуальной собственности (далее – ИС) (потерпевших) и правонарушителей, которые могут совершать вменяемые им деликты под влиянием совокупности неблагоприятных обстоятельств и факторов, имеющих чрезвычайный и непредотвратимый характер и находящихся вне их контроля.

В этом плане давно назрела ревизия нормы п. 3 ст. 401 ГК РФ, не относящей к обстоятельствам непреодолимой силы «нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств». Целесообразно предусмотреть в порядке исключения из общего правила, что суд может признать в качестве форс-мажорных обстоятельств, возникших в связи с осуществлением действий (бездействия) иностранных государств, иных публичных образований или их объединений или частных лиц, находящихся в юрисдикциях, систематически нарушающих общепризнанные принципы и нормы международного права, включая императивность введения санкций и рестрикций исключительно в соответствии с гл. VII Устава ООН. Перечень таких иностранных юрисдикций должен утверждаться и обновляться на периодической основе Правительством РФ. Безусловно, данная новелла не должна освобождать от ответственности иностранных контрагентов за несоблюдение договорных обязательств со ссылкой на легитимные защитные меры, принимаемые РФ (например, реторсии (ст. 1194 ГК РФ) и репрессалии; контрмеры согласно ст. 22, 25 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г.).

Гибридная агрессия против государственного суверенитета РФ оказывает деформирующее влияние на привычную правовую среду; полностью или частично препятствует распространению национального режима на иностранных правообладателей из недружественных (а по сути, если уйти от дипломатических эвфемизмов, враждебных) государств. Тем более в ситуации, когда за рубежом российские компании и физические лица подвергаются дискриминации на уровне как законодательства, так и рутинной правоприменительной практики. Именно поэтому контрмеры в сфере частного права не могут быть производными из рафинированной диеты международно-правового набора средств принудительного воздействия мирного времени. Следует сблизить и соотносить векторы развития частноправовых институтов в текущий период с общей канвой государственной оборонной и внешней политики и руководствоваться, в частности, такими основополагающими документами, как Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229). Так, согласно пп. 4–5 ст. 23 Концепции приоритетное внимание должно уделяться «исключению из международных отношений практики принятия незаконных односторонних принудительных мер в нарушение Устава ООН»; «совер-

шенствованию механизма применения международных санкций, исходя из исключительной компетенции Совета Безопасности ООН в вопросе введения подобных мер и необходимости обеспечения их эффективности с точки зрения поддержания международного мира и безопасности, недопущения ухудшения гуманитарной ситуации».

В этом смысле п. 5 ст. 39 Концепции, акцентирующий внимание на необходимости «защиты российской экономики и международных торгово-экономических связей от недружественных действий иностранных государств посредством применения специальных экономических мер в качестве ответной реакции на такие действия», нуждается в дополнении указанием на необходимость применения специальных правовых режимов и контрмер (аналогичная новелла должна быть внесена в п. 2 ст. 45 Концепции в части мер воздействия и специальных экономических мер).

Введенный против РФ и определенных категорий частных лиц, связанных с РФ, нелегитимный санкционный режим с блокировкой и конфискацией активов (например, транспортных средств с российскими номерами при пересечении внешних границ ЕС и т. п.), недобросовестный уход ряда западных компаний-правообладателей с отечественного рынка с расторжением (или прекращением) лицензионных и иных договоров в одностороннем порядке и т. п. – все это должно рассматриваться как признаки чрезвычайной ситуации в сфере международного права, которая настоятельно требует принятия на внутригосударственном уровне ответных мер и решений. Нельзя не согласиться с тем, что в таких условиях происходит утрата фундаментального права на защиту и на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство¹.

Потерпевшие от нелегитимных санкций российские юридические и физические лица вправе использовать в порядке самозащиты своих прав и законных интересов (п. 2 ст. 45 Конституции РФ) средства оперативного воздействия на системы иностранных публичных правопорядков, которые создают благоприятные условия или даже императивно устанавливают требования по совершению противоправных действий, в частности признавать для себя юридически ничтожными охранные документы (свидетельства, записи в реестрах), выданные в недружественных государствах или в рамках международных систем охраны ИС, в том числе при расширении международной заявки на территорию РФ, в отношении объектов ИС и т. д. Кроме того, перечень оснований для оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку (ст. 1512 ГК РФ) и иным объектам ИС может быть законодательно дополнен указанием на недобросовестное поведение правообладателя товарного знака. Данная новелла лежит в русле правовой позиции, выраженной в постановлении КС РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П, о том, что исключительное право на объекты ИС, принадлежащее иностранному правообладателю, может быть ограничено ввиду такой формы недобросовестного поведения последнего, как следование «режиму санкций против Российской Федерации, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка». Как отмечал В. Т. Смирнов, договорные обязательства регулируют отношения участников гражданского оборота в процессе его нормального осуществления и развития, тогда как обязательства вследствие причинения вреда призваны обеспечить защиту признаваемых законом имущественных прав и интересов граждан и юридических лиц от разного рода посягательств². В данном же случае квазиделиктное поведение является следствием крайней необходимости и, по сути, наоборот, восстанавливает нормальное функционирование гражданского оборота, реанимирует договорно-правовую реальность в части обмена материальными и нематериальными благами при добровольном (или по принуждению органов публичной власти соответствующего государства или объединения государств) отказе иностранного контрагента от получения встречного удовлетворения. В этом случае такое лицо не может приобре-

¹ Глава «Газпрома» назвал бессмысленными суды насчет поставок в Европу // Lenta.ru. 2023. 6 июля. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/06/bessmyslennost/> (дата обращения: 09.07.2023).

² Смирнов В. Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. С. 10–11.

сти статус потерпевшего в условиях российского правопорядка, поскольку вред не может быть причинен лицу, которое своими действиями способствовало его наступлению в полном объеме с учетом расширительного толкования по аналогии нормы ч. 2 п. 3 ст. 1064 ГК РФ: «В возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества».

Вследствие сложившейся международно-правовой обстановки и текущего «состояния необходимости» помимо использования указанных выше инструментов национальный законодатель вправе и даже обязан принимать меры по ревизии законодательной политики в тех отраслях и сегментах правового регулирования, которые находились под наиболее сильным десуверенизирующим воздействием международных органов и институций.

В частности, назрела потребность в десакрализации прежде навязанных нам прозападных представлений об исключительном праве ИС как некоей константе «священного права собственности», посягательство на которое формирует генеральный деликт и представляет прямую и непосредственную угрозу в том числе публичному правопорядку. Как отмечается в богословской литературе, «Церковь, действительно, не санкционирует и права собственности, для нее нет „священного права собственности“, и сам термин „каноническое право“, механически заимствованный с Запада, не имеет своего оправдания в Православном мировоззрении: каноны – не правовые нормы, а лишь правила церковного долга»¹. Святитель Григорий Великий еще точнее раскрывает онтологическую сущность права собственности: «Некоторые думают, что заповеди Ветхого Завета суровее, чем заповеди Нового, но на самом деле они заблуждаются в таком недальновидном суждении. Ибо в том карается не скупость, но хищение. Там (то есть в ветхозаветные времена. – *прот. О. С.*) вещь, несправедливо изъятая, возмещается вчетверо. А здесь (то есть в новозаветные времена. – *прот. О. С.*) богач порицается не за то, что украл чужое, но за то, что не отдал своего. И не говорится, что он кого-то притеснял силой, но что превозносился из-за вещей приобретенных»².

С учетом российских правовых и культурных традиций в механизме юридической ответственности должна преобладать не карательно-репрессивная (больше соответствует ветхозаветному принципу талиона «око за око, зуб за зуб»), а защитная и превентивная функции, которые отвечают на общественный запрос о справедливости и нравоучительном порицании за виновное (читай – греховное) поведение при соблюдении праведного баланса частных и публичных прав и законных интересов с учетом тяжести деликта; степени вины делинквента и негативных последствий для потерпевшего и сферы публичного правопорядка³. При этом деятельное раскаяние правонарушителя также должно приниматься во внимание в рамках конструкции генерального деликта. Правда, деятельное раскаяние в сфере внешней политики и практики международных отношений является скорее исключением, нежели правилом, тем более применимость его к недружественным государствам вряд ли можно предполагать в качестве реальной перспективы в отличие от принуждения их к цивилизованному миропорядку и уважению взаимных прав и интересов на основе принципов международного права.

Патетическая симфония национальных и международно-правовых подходов в сфере охраны ИС во многом была продиктована принятыми РФ на себя обязательствами при вступлении в ВТО и иные международные структуры, эффективность и целесообразность участия в которых ныне подвергается критической переоценке. Кроме того, свою негативную роль сыграло неверное толкование нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ как якобы допускающей отказ от национального суверенитета в части правового регулирования в угоду «общепризнанным принципам и нормам международного права».

¹ *Прот. Михаил Помазанский. О взгляде Православной церкви на собственность // Антимодернизм. ру. URL: <https://antimodern.ru/o-vzglyade-pravoslavnoj-cerkvi-na-sobstvennost/> (дата обращения: 09.09.2023).*

² *Прот. О. Стеняев. Воздушные мытарства. Мытарство шестое – кражи // Цикл «Путь всей земли». Беседа 8-я. URL: <https://pravoslavie.ru/97626.html> (дата обращения: 17.05.2024).*

³ Сама по себе деликтная ответственность возникла в результате отказа потерпевшего (кредитора) от реализации принципа талиона, который ранее допускал возможность саморасправы и причинения адекватного вреда делинквенту. См.: *Климович А. В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 46.*

Весьма примечательно, что только после исторического воссоединения Крыма и Севастополя с исторической Родиной КС РФ наиболее явно выраженным образом начинает артикулировать приоритет положений гл. 1–2 Конституции РФ над нормами и принципами международного права (см. п. 2.2 постановления КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П). Ретроактивная отсылка к постановлению КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П создает несколько лукаво иллюзию преемственности правовых позиций, в то время как в Постановлении № 10-П затрагивается внутренний теоретико-правовой аспект понятия «государственный суверенитет» применительно к политико-территориальной организации государства и системе федеративных отношений. При всем уважении к органу конституционной юстиции, внешний и внутренний аспекты государственного суверенитета в условиях федеративного государства имеют весьма условную корреляцию, даже с учетом вопиюще некорректного определения республик в качестве носителей государственного суверенитета в п. 2 ст. 5 Конституции РФ (в преамбуле Федеративного договора от 31 марта 1992 г. республики названы суверенными, что является полнейшим нонсенсом с точки зрения теории конституционного права).

2.3

Констатируется, что «в ходе переговорного процесса по присоединению Российской Федерации к ВТО постепенно принимались нормативные акты, которые не только приводили российское законодательство в соответствие с нормами ВТО, но и совершенствовали его»¹.

Если избегать условностей и экивоков, присущих такому жанру юридической словесности, как ведомственные аналитические материалы, то можно с уверенностью сказать, что РФ приняла на себя явно завышенные обязательства в сфере охраны ИС. В частности, в силу ФЗ от 4 октября 2010 г. № 259-ФЗ (вступил в силу с 19 октября 2010 г.) упразднен приоритет ранее зарегистрированных доменных имен над объектами ИС по принципу «*first come – first served*» («получил тот, кто первый пришел»), который сохранил свое значение только для целей устранения конкуренции между однопорядковыми объектами нематериальной собственности – доменными именами (см. определение о передаче дела в Президиум ВАС РФ от 31 января 2013 г. № 11980/12)².

Между тем проведенная реформация не соответствует «честным обычаям» в сфере регистрации и использования доменных имен. При этом арбитражные суды вполне законно и обоснованно продолжают уверенно ссылаться на «честные обычаи» при разрешении конкретных споров (постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 августа 2018 г. № С01-463/2018 по делу № А66-3737/2017). В некоторых случаях суды, впрочем, усматривают злоупотребление правом со стороны правообладателя при регистрации им товарного знака «не с целью его использования самостоятельно или с привлечением третьих лиц, а лишь с целью запрещения третьим лицам использовать соответствующее обозначение» (определение ВС РФ от 20 января 2016 г. по делу № А08-8801/2013).

Представляется, что слишком вольное и расширительное толкование ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в чрезмерном стремлении продемонстрировать лояльность и в опережающем порядке «усовершенствовать» свою национально-правовую систему может игнорировать специфические особенности того или иного предмета правового регулирования. Проработка нормативно-правовых решений требует скрупулезного, профессионального и лишнего налета политической конъюнктуры подхода с учетом всего спектра международного опыта. Применительно к доменным именам полезно обращаться к практике административных трибуналов при ВОИС, которые наилучшим образом модифицируют и адаптируют международные нормы и институты к потребностям делового оборота цифровой эпохи и обеспечивают разумный баланс прав и законных интересов правообладателей объектов ИС и зарегистри-

¹ Обязательства России в качестве члена ВТО. URL: https://saratov.gov.ru/gov/auth/mineconom/PRLD/LK/LK_rez_prov/%D0%92%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%92%D0%A2%D0%9E.pdf (дата обращения: 08.09.2023).

² См. также: Михеева Е. 10 лет России в ВТО: интеллектуальная собственность и географические указания. URL: <https://www.wto.ru/our-blog/10-let-rossii-v-vto-intellektualnaya-sobstvennost-i-geograficheskie-ukazaniya/?ysclid=Iq7tsyzrjz703502365> (дата обращения: 06.09.2023).

рованных владельцев доменных имен. В противном случае правоприменительная практика будет вынуждена включать реверсивный ход и применять «каучуковые нормы» вроде ст. 10 ГК РФ как в приведенном выше кейсе с частичной «реинкарнацией» приоритета доменного имени в силу его предшествующей регистрации, которая при определенных обстоятельствах может свидетельствовать об отсутствии элемента недобросовестности.

Именно сейчас создаются благоприятные предпосылки для реализации суверенной парадигмы ценностей гражданско-правового регулирования и разумного протекционизма через осознание потребностей гражданского оборота, которые не могут всецело зависеть от необходимости соблюдения номинально-титовых правомочий в отношении формально отсутствующих (за исключением параллельного импорта и прочих квазизаконных схем) на российском рынке объектов ИС (в отсутствие волеизъявления правообладателя на введение объектов в гражданский оборот на соответствующей территории) в ущерб экономическим интересам хозяйствующих субъектов и частных лиц, активно использующих и инвестирующих в тождественные обозначения реальные финансовые, материально-технические и кадровые ресурсы. Представляется, что любые подходы, противоречащие принципам государственного суверенитета РФ и публичным интересам защиты стабильности гражданского оборота, подлежат доктринальному переосмыслению и ревизии как на уровне правосознания, так и в сфере законотворческой деятельности и прикладного правоприменения.

Список литературы

Афанасьева Е. Г. Российское и зарубежное деликтное право: основные различия // Законодательство. 2003. № 6. С. 80–83.

Климович А. В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 44–50.

Михеева Е. 10 лет России в ВТО: интеллектуальная собственность и географические указания. URL: <https://www.wto.ru/our-blog/10-let-rossii-v-vto-intellektualnaya-sobstvennost-i-geograficheskie-ukazaniya/?ysclid=lq7tsyjrjz703502365> (дата обращения: 06.09.2023).

Прот. Михаил Помазанский. О взгляде Православной церкви на собственность // Антимодернизм.ру. URL: <https://antimodern.ru/o-vzglyade-pravoslavnoj-cerkvi-na-sobstvennost/> (дата обращения: 09.09.2023).

Прот. О. Стеняев. Воздушные мытарства. Мытарство шестое – кражи // Цикл «Путь всей земли». Беседа 8-я. URL: <https://pravoslavie.ru/97626.html> (дата обращения: 17.05.2024).

Прп. Исидор Пелусиот. Письма. Книга III // Толкования Священного Писания. Толкования на Притч. 6:30. URL: <https://bible.optina.ru/old:pr:06:30> (дата обращения: 22.07.2023).

Смирнов В. Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. 72 с.

Успенский П. Б. Поставление на царство в русской и византийской традициях // Православное учение о церковных таинствах: V Междунар. богословская православная конф. Русской православной церкви, Москва, 13–16 ноября 2007 г. М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. Т. 3. С. 416–440.

Хужин А. М. О трансформации принципа генерального деликта: анализ законодательства и судебной практики // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 340–342.

References

Afanas'eva E. G. (2003) Rossiiskoe i zarubezhnoe deliktное право: osnovnye razlichiya [Russian and foreign tort law: basic differences]. In *Zakonodatel'stvo*, no. 6, pp. 80–83.

Khuzhin A. M. (2020) O transformatsii printsipa general'nogo delikta: analiz zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki [On transformation of principle of general tort: analysis of legislation and judicial practice]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 14, pp. 340–342.

Klimovich A. V. (2008) Obyazatel'stva iz deliktov v rimskom prave [Tort undertakings in Roman law]. In *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, no. 1, pp. 44–50.

Mikheeva E. (2022) 10 let Rossii v VTO: intellektual'naya sobstvennost' i geograficheskie ukazaniya [10 years Russia in WTO: intellectual property and geographical indications], available at: <https://www.wto.ru/our-blog/10-let-rossii-v-vto-intellektualnaya-sobstvennost-i-geograficheskie-ukazaniya/?ysclid=lq7tsyjrjz703502365> (accessed: 06.09.2023).

Prot. Mikhail Pomazanskii (2009) O vzglyade Pravoslavnoi tserkvi na sobstvennost' [The Russian Orthodox Church attitude towards the property]. In *Antimodernizm.ru*, available at: <https://antimodern.ru/o-vzglyade-pravoslavnoj-cerkvi-na-sobstvennost/> (accessed: 09.09.2023).

Prot. O. Stenyaev (2016) Vozdushnye mytarstva. Mytarstvo shestoe – krazhi. In *Tsiki «Put' vsej zemli». Beseda 8-ya*, available at: <https://pravoslavie.ru/97626.html> (accessed: 17.05.2024).

Prp. Isidor Pelusiot. Pis'ma. Kniga III [The letters. Book 3]. In *Tolkovaniya Svyashchennogo Pisaniya. Tolkovaniya na Pritch.* 6:30, available at: <https://bible.optina.ru/old:pr:06:30> (accessed: 22.07.2023).

Smirnov V. T. (1973) *Obyazatel'stva, vznikayushchie iz prichineniya vreda* [Undertakings, arising out of tort]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 72 p.

Uspenskii P. B. (2009) Postavlenie na tsarstvo v russkoi i vizantiiskoi traditsiyakh [The establishment of the kingdom in the Russian and Byzantine traditions]. In *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnykh tainstvakh: V Mezhdunarodnaya bogoslovskaya pravoslavnaya konferentsiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi, Moskva, 13–16 noyabrya 2007 g.* Moscow, Sinodal'naya bibleisko-bogoslovskaya komissiya, vol. 3, pp. 416–440.